

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

КУКУШОНОК В ЧУЖОМ ГНЕЗДЕ

100 ЛЕТ НАЗАД УМЕР ГЕНИАЛЬНЫЙ ПОЭТ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА —
ПОСЛЕДНИЙ ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Заклятие смехом

*О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами,
что смеяствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешиц надсмеяльных —
смех усмейных смехачей!
О, исмейси рассмеяльно,
смех надсмейных смейчей!
Смейвоо, смейвоо!
Усмей, осмей, смейшики, смейшики!
Смейончики, смейончики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!*

1908-1909

Г

«Гений, гений!» — кричали ему в

лицо. А он был кукушонком. Но никто этого не знал.

«От него пахнет святостью», — сказал мэтр Вячеслав Иванов. Художник Малевич звал его «астрономом человеческих событий», Маяковский — «Колумбом поэтических материков». Его равняли — с ума сойти! — с автором «Слова о полку Игореве». И все: Мандельштам, Маяковский, даже Михаил Кузмин сравнивали с птицами: цаплей, вистом, воробьем. Он и сам напишет про себя: «Хожу как журавель».

Но был, повторяю, кукушонком. Чужим в поэтических «гнездах». Потому что сразу залетел выше кружков и направлений. И ведь впрямь — кто мог сказать:

*Мы в ведрах пронесем Неву,
Тушить пожар соседья Псов...*

Будетлянин и дуэлянт

За год до смерти написал: «Все! Всем! Воля! Воля будетлянская! Вот оно! Наше откровение... Мы, стоя на глыбе будущего, даем такие законы, какие можно не слушать, но

Не было объяснений многому. Умение разговаривать без слов, писать илой дикобраза, способности изжарить при отсутствии масла личинку на расстеленной в сковородке газете. Наконец, нет объяснения тому, что первой публикацией его стали не стихи, не рассказ с диким названием «Мучоба во взорах» — научная статья.

И знаете — о чем? О кукушках!

Но задира и буян в жизни (шесть вызовов на дуэль только в одном семестре), в литературу Хлебников вошел, считайте, на цыпочках. Поднимаясь по лестнице. Просто как-то вечером, переборов стыд, вступил в подъезд обычного доходного дома, где располагался журнал «Весна», и стал крадучись подниматься. Шаги его, правда, услышал сидевший в редакции Василий Каменский, поэт. «Я вышел на площадку, — писал он, — шаги исчезли. Снова взялся за работу. И опять шаги». Тогда Каменский спустился этажом ниже и увидел вжавшегося в стену студента; тот испуганно смотрел голубыми глазами. «Вы, коллега, в редакцию? — спросил Каменский. — Не стесняйтесь. Я такой же. Редактора нет». В комнате студент сел на край стула, снял фуражку, по-детски открыл рот и уставился на меня небесными глазами. Так мы смотрели друг на друга и улыбались».

«Вот тут что-то... вообще», — протянул студент синюю тетрадь, скрученную винтом. В ней была та самая «Мучоба». Рассказ, но под

*1
А. Зверев. Портрет
Велимира Хлебникова.
1981 год.

*2
Поэт с черепом.

*3
Семья Хлебниковых:
мать, отец, сестра Вера
и Виктор (Велимир).

ЗАДИРА И БУЯН (ШЕСТЬ ВЫЗОВОВ НА ДУЭЛЬ В ОДНОМ СЕМЕСТРЕ), В ЛИТЕРАТУРУ ХЛЕБНИКОВ ВОШЕЛ НА ЦЫПОЧКАХ, ПОДЫМАЯСЬ ПО ЛЕСТНИЦЕ ДОХОДНОГО ДОМА, ГДЕ РАЗМЕЩАЛСЯ ЖУРНАЛ «ВЕСНА»

нельзя послушаться. Они сделаны не из камня желания и страстей, а из камня времени...»

Будетляне — люди будущего. «Мы пришли озарить Вселенную!» — крикнул однажды друзьям.

Поэт Асеев, окрестивший его «словождем», пораженный кругозором Хлебникова, годы спустя напишет: он кончил не один — три факультета: математический, естественный и филологический. Увы, это не так. Учился на трех, но не окончил ни одного. Но что с того, если перед ним вставали преподаватели. Профессор Казанского университета Василенко вспоминал, что они, педагоги, ходили иногда на посиделки студентов: спорить, слушать рефераты. Иногда туда залетал Хлебников. «И, удивительно, — пишет Василенко, — при его появлении все вставало. Непостижимо, но я тоже вставал. Я многие годы уже был профессором. А кем был он? Студентом 2 курса, желторотым мальчишкой! Нет, это что-то такое, чему нет объяснений».

другим названием, напечатают. А первый гонорар дебютант спустит буквально за час. Зайдет съесть шашлык под «восточную музыку» и все деньги отдаст музыкантам, которые окружают его, будут играть, петь и кружить деагинку.

«Ну, хоть шашлык-то съели?» — съязвит Каменский. «Нет, — ответит, — не пришлось, но пели они замечательно. Голоса горных птиц...»

Небогрёз и словач

Для нас язык — инструмент. Для Хлебникова — Вселенная.

Городецкий перечислил потом: Хлебников «создал теорию значения звуков, теорию повышения и понижения гласных в корнях, теорию изменения смысла корней». Смешно читать. Он не назвал и десятой части сотворенного им. Иные идеи его только сейчас, через сто лет, начинают находить признание. Он говорил и о связи времени и пространства, и о цикличности исторических процессов, и о влиянии лунных и солнечных циклов, и о законах расселения народов. Писал о проблемах

Гениально, не так ли?! Ведь если «словач» звучит как мастер, то «делач» — как делец от творчества.

В 1910-м, когда наш «небогрёз» поселился у Волкова кладбища в доме какого-то купца (за бесплатные уроки купеческим дочкам), его окружали уже только «авторы»: поэты, писатели, художники. Он принят уже в Академию стиха, где преподают Вячеслав Иванов, Брюсов, Кузмин и где ему, Виктору от рождения, дали высокопарное имя «Велимир»; стихи его вот-вот появятся в изысканном «Аполлоне»; с ним дружат Гумилев, Маяковский и Алексей Толстой. Но среди всех уже тогда можно было вычислить и тех, кто станет «словачом» — мастером — и тех, кто найдет в слове выгоду, хитрых и деловитых — «делачей».

Увы, их, имитаторов души и таланта, будет с годами толпиться вокруг Хлебникова все больше и больше.

Тот домик у кладбища не сохранился. А жаль. Ведь там и как раз в день его отъезда случится событие, ну, не знаю — эпохальное. Бурлюк пишет: «Быстро собрали «вещи». Был чемоданчик и... наволочка, набитая скомканными бумажками, обрывками тетрадей... «Рукописи», — пробормотал Хлебников». Но, уже шагнув за порог, Бурлюк увидит вдруг валяющуюся у двери бумажонку. Счастье, что нагнулся за ней! Ибо это было «Заклятие смехом». Помните: «О, рассмейтесь, смехачи! О, засмейтесь, смехачи!»

Оно станет не только самым знаменитым стихотворением поэта — всего русского футуризма. С него и начнется слава поэта.

*4, 5
«Пощечина общественному вкусу» — знаменитый манифест футуристов.

*6
Б. Григорьев. Хлебников в будущем. 1916 год.

экологии, атомной энергии, размышлял об архитектуре будущего (о зданиях в форме цветов), о завтрашнем дне радио и кино.

В поэзии же не просто создал «периодическую систему слов» — мир переименовал. И для забавы сочинял аналоги иностранным словам: литература — письменса, актер — игрец, поэт — небогрёз. А слову автор, хирургически вытупив смысл, дал даже два имени: словач и делач.

Декабрьским утром 1912 года Маяковский, Бурлюк, Крученых, Хлебников сбежались для дела, которое назовут потом рождением футуризма, — для составления манифеста «Пощечина общественному вкусу». И спор пошел за каждое слово. Крученых предложил «выбросить» Достоевского, Толстого, Пушкина. Маяк добавил: «С парохода современности». «Душистый блуд Бальмонга», фраза Хлебникова, не прошла, остался блуд, но «парфюмерный». Зато предложение его «Стоим на глыбе слова мы» вошло целиком. «Вымойте ваши руки, прикасавшиеся к слизи книг, написанных бесчисленными Леонидами Андреевыми, — зывал манифест. — Этим Горьким, Куприным, Аверченкам нужна лишь дача на реке. С высоты небоскребов мызираем на их ничтожество!»

А когда манифест стал листовкой, Хлебников будет назван в нем «гением — великим поэтом современности».

И там же, в приложении, он за четыре года предскажет революцию. Прозрение? Нантите? Не знаю. Но он написал: «Не стоит ли ждать в 1917 году падения государства?»

Если бы хоть кто обернулся на эти слова?!

Романтик и храбрец

Интуиция у него была звериная. А ненависть, если можно так сказать, — химически чиста. Что там выдуманный Воланд Булгакова, если Хлебников иные кунштюки «князя тьмы» легко проделывал в жизни.

Я говорю о дуали его с Мандельштамом.

Это был, кажется, первый случай, когда не он — его звали к барьеру. Повздорили в «Бродячей собаке», в поэтическом кафе. Мандельштам, когда Хлебников в пылу спора о деле Бейлиса позволил себе какое-то антисемитское слово, — не стерпел: «Я как еврей и русский поэт считаю себя оскорбленным и вас вызываю!» Это случилось на глазах Гумилева, Шкловского, художника Филонова. Последние двое и согласились стать секундантами.

«Я не могу, — кипятился Шкловский, — убили Пушкина, Лермонтова, скажут, в России обычай...» Филонов же, грубо прикрикнув на дуэлянтов («Я буду бить обоих, пока вы не пожаритесь!»), вдруг намекнул: повод для поединка ничтожен. По сравнению с его целью. «Какой?» — любопытно сверкнул глаза драчунов. «Я хочу, — скажет Филонов, — написать картину, которая бы держалась без гвоздя». «И как?» — поверит Велимир. «Падает», — ответит Филонов. «А что ты делаешь?» — «Я неделю не сплю». — «И что?» — «Падает».

Конечно, рядом с такой «художественной ладчей» дуэль показалась мелочью.

Да, ненависть у поэта была химически чиста. И химически чиста была любовь. А уж если эти «химии» вступали в реакцию, мир грозно

КОГДА «ПОЩЕЧИНА...» СТАНЕТ ЛИСТОВКОЙ, ХЛЕБНИКОВ БУДЕТ НАЗВАН В НЕЙ «ГЕНИЕМ — ВЕЛИКИМ ПОЭТОМ СОВРЕМЕННОСТИ». И ТАМ ЖЕ ОН ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА ПРЕДСКАЖЕТ РЕВОЛЮЦИЮ

умолкал. Скажем, почти всех женщин, в которых он влюблялся, звали Верами. Символично! Их было пять. С одной даже целовался. В Куоккале горько пожалуется молодому Шкловскому: «Что нужно женщинам от нас? Чего они хотят? Я сделал бы все. Может быть, нужна слава?» «Море было простое, — пишет Шкловский. — В дачах спали люди. Что я мог ответить?..»

Пропрыгав осень по камням залива, поэт влюбится сразу в двух Вер. Одна, дочь писателя Лазаревского, была точь-в-точь Наташа Ростова, а другая «очаруная» Вера Будберг столь хороша, что «вся литература не дала ей еще равного образа». Эх-эх, увы, он вновь окажется кукушонком — чужим в теплых гнездах женской любви. Об этом расскажет тот же Шкловский: «Я разыскал его, сказал, что девушка вышла замуж за помощника отца. Дело простое. Волны в заливе тоже были простые». «Вы знаете, что нанесли мне рану?» — спросит его Хлебников. Тот опять промолчит. И — строка в тетради: «Больше никогда любить не буду...»

«Русь, ты вся поцелуй на морозе!» — одной строкой скажет о любви.

Какая там Наташа Ростова, какие две Веры?! Ему подошла бы такая же: вольная, сумасшедшая, не от мира сего. Ведь там же, в Куоккале, заночевав однажды у художника Анненкова, он поутру брызгально срывает его. «Войдя в комнату, где заночевал Хлебников, — вспомнил тот, — я застал его еще в постели. Окунув взглядом комнату, я не увидел ни его пиджака, ни брюк... «Я запылил их под кровать, чтобы не запыхались», — сказал ему наш герой. «Должен сознаться, — пишет Анненков, — что все комна-

7
Поэзия эпохи. На обороте снимка надпись: «ВХУТЕМАС. Москва, Мясницкая ул., коммуна кв. 84 во главе с поэтом Хлебниковым. Февраль 1922 года».

ты дачи содержались в большой чистоте, и если нужно было искать пыль, то, пожалуй, только под кроватью...»

Ну, кто, скажите после этого, ну, какая женщина связала бы свою жизнь с таким?..

Он будет еще влюбляться. Даже целоваться еще с одной Верой в ветвях цветущей черемухи. Это Вера будет прятать его от армии, выцарапает из лап белых, но дальше поделуев дело, кажется, не пойдет и с ней.

Часовщик человечества

«Часовщик человечества» звал себя. И что-то от часовщика было в нем. Филигранный труд, уединенность, терпение, перехват дыхания на миг. Только возился не с винтиками и шестеренками — с суффиксами и префиксами, с датами и числами. Ни секунды, ни минуты интересовали — судьбы, поколения, века. «Люди поймут, — написал, — что есть часы человечества и часы отдельной души».

Он жил в такт с человечеством, пока однажды не разошелся с ним. Пока на часах не грянула война. Вот когда взвоят: «Спасите меня!..»

Два этих слова напишет рядовой 93-го запасного пехотного полка генералу Кульбину. «Я погиб, как гибнут дети», — скажет в стихах про армию, где из него хотели сделать (вы, мыслите?) прапорщика. А во втором письме прохрипит: «Освободите. Заклинаю... Если Пушкину

трудно было быть камер-юнкером, то еще труднее мне быть новобранцем в 30 лет...»

Близкие, друзья добьются освобождения; он вырвется из клетки и, размяв крылья, приземлится под Харьковом, в Красной долине, на даче у Синяковых. Из ада попадет почти в рай. Там, кажется, и предскажет: мировая война перерастет в «войну внутреннюю». «Дети! Ведите себя смирно, — напишет в 1916-м. — Это только 1,5 года, пока внешняя война не перейдет в мертвую зыбь внутренней войны».

Никто не услышит его ку-ку!

А он наконец займется давней мечтой — организацией Правительства мира, общества «Председателей Земного Шара».

Бессребреник и ребенок

«Я боюсь за тебя, — написала ему как-то поэтесса Елена Гуро. — Я боюсь, как бы тебя не обидели люди». Не зря писала. По сути, вся жизнь его — сплошная обида от непонимания, непохожести, неумения приспособиться. «Я твердо знаю, — писал он, — рядом нет ни одного, могущего понять меня». То, что было важно людям, для него не имело значения, а что считал главным он — не представляло ценности для них. Он мог, например, получив от друзей собранное ему на одежду деньги, купить дорогой портсигар. Мог, собравшись в Казань, отправить багажом корзину рукописей и — отказаться от поездки. Ру-

* 8-13

Поэтическое наследие Велимира Хлебникова.

* 14

П. Филонов. Один из разворотов «Изборника стихов». 1914 год.

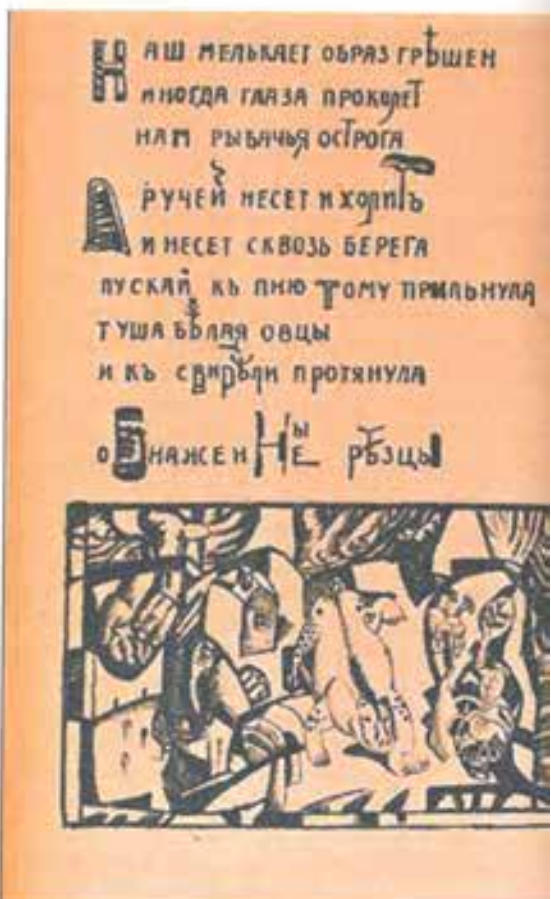

ТЕРЯЛ ВЕЩИ, ДЕНЬГИ. НО МОГ ВЫЗВАТЬСЯ ИДТИ В ЗИМНИЙ, ДАТЬ ПОЩЕЧИНУ САМОМУ КЕРЕНСКОМУ ЗА «СПЛОШНОЙ СКВОЗНЯК». ЕГО ОТГОВОРЯТ. НО ДОЗВОНИТСЯ: КОГДА ЖЕ ВЫ УБЕРЕТЕСЬ ИЗ ДВОРЦА?

Когда умирают кони — дышат,
Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают солнца — они гаснут,
Когда умирают люди — поют песни.

1912

копниси пропали. Мог на званом обеде, протянув руку, ухватить за хвост кильку с общей тарелки и медленно, по нарядной скатерти, протащить ее к себе. Чего, дескать, тревожить соседей? Терли вещи, деньги, ложась спать, натягивал всё себе на голову и утром вскакивал продрогшим (так и заработает, кстати, лихорадку).

Но Мог и вызваться идти в Зимний, дать пощечину самому Керенскому, премьеру. За Россию, за «сплошной сквозняк». Его отговорят. Но он, еще до выстрелов «Авроры», все-таки дозвонится в Зимний и спросит: когда же вы, министры, уберетесь из дворца? И не помочь ли вам в этом?..

От всех бед убегал на юг, в Астрахань, в казачью степь. Там, казалось, было гнездо его. Убегал даже от денег — не «делаги»! Маяковский, устроив как-то издание стихов его, удивлялся: «Накануне дня получения денег, — скажет, — я встретил его с чемоданчиком. «Куда вы?» — «На юг, весна!» — свистнул беспечно Хлебников и уехал. На крыше вагона.

Да, куконал без денег, не ценил вещей. Ценил скорее символы: дудку из тростника, куклу тряпичную, деревянную игрушку из Сергиева Посада (с ней, говорят, и умрет), какое-то дешевое колечко, которое ему дали и тут же отняли. Это случится в Харькове, где он застрял после революции. На его беду туда явятся иудры Есенин и Мариенгоф. Эти бежали из голодной Москвы, мечтая «о белом хлебе, сале, сахаре, о

том, чтобы хоть недельку поработало брюхо». Разыскали Хлебникова; он жил в какой-то старой мастерской. Явились: один в меховой куртке, другой в элегантном английском пальто. А Хлебников, в штанах, сшитых из занавески (да, да!), сидел на голом матрасе и чинил сапог. Мариенгоф пишет: «Он встал навстречу и протянул руку с щиблетой. Я, улыбаясь, пожал дырявую подошву».

Короче, зная, что Хлебников объявил себя Председателем Земного Шара, москвичи решили подшутить: устроить вечер в городском театре и торжественно «короновать» его. Хлебников, дитя, принял всё всерьез. В холщовой рясе, босой, он стоял на сцене со скрещенными на груди руками, выслушивал асафисты и после каждого, как было условлено, шептал: «Верую...» «В заключение, — пишет Мариенгоф, — как символ земного шара надеваем ему на палец кольцо, взятое на минуточку у четвертого участника — Бориса Глубоковского». А когда занавес упал, тот, лыбясь, подошел: «Снимай кольцо». Хлебников испуганно глянул на него и спрятал руку. «Брось дурака ломать, — зарычал Глубоковский, — отдай кольцо!» Москвичи за кулисами подышали от смеха. «Это... это Шар... символ шара, — губы Хлебникова побелели. — Я... вот... меня Есенин в Председатели...» Но шутник, потеряв терпение, грубо, с кровью содрал кольцо. У Хлебникова чуть слезы не брызнули.

От боли, конечно. Разумеется, от боли...

14

11

12

13

*Русь, ты вся поцелуй на морозе!
Синеют ночные дорожки.
Синею молнией слиты уста,
Синеют вместе тот и ты.
Ночами молния взлетает
Порой из ласки пары уст.
И шубы вдруг проворно
Обегает
Синея, молния без чувства.
А ночь блестит умно и чёрно.*

Осень 1921 года

Гений и пророк

Мысль родилась весной 1914 года, когда он написал Каменскому: «Все готово. Мы образуем Правительство Председателей Земного Шара. Список присылай». И сформулировал задачи Правительства: «Преобразование мер. Преобразование азбуки. Предвидение будущего. Исчисление труда в единицах ударов сердца». Только людей теперь делил не на «словачей» и «делачей» (сволочей!) — на изобретателей и приобретателей. Обвинит «приобретателей» в гибели Пушкина и Лермонтова, в трагедии Гаусса и Монгольфье. И подпишется: «Король Времени Велимир 1-й». А в Председатели помимо Каменского позовет Вяч. Иванова, Флоренского, Кузмина, Маяковского, Асеева, Маленича, Татлина, генерала Кульбина, каких-то летчиков Кузьмина и Михайлова, посла Абиссинии Али Серара и даже одну из Синяковых. Собирались прилететь Горького, Тагора, Нансена, Уэллса и самого Вудро Вильсона — 28-го президента США. Не успел.

Гений, фантаст, утопист! Писал чудновато, а уж что мыслил про себя — этого мы и не узнаем уже. А и узнали бы — не поняли. Он вещал, что мировую войну надо закончить полетом на Луну, что надо

За шесть лет предсказал войну с Германией 1914 года, за четыре года — революцию, за полтора — войну Гражданскую.

Председатель Земного Шара

«Трудно тебе умирать?» — спросила его за день до смерти Фонка, няня, жившая в деревенском доме художника Митурича. «Да», — ответил он. Это было последнее слово «короля слова» на этой земле. А за пять дней до смерти на окне глухой бани, где умирал поэт, — в сорока километрах от ближайшей станции — прилетел ворон. Клов его стучал о стекло, как метроном из преисподней. Птица прилетела к птице, ворон — к кукушонку.

Да, он, гениальный поэт, Председатель Земного Шара, автор законов времени и космоса, остался кукушонком — чужим не только в гнездах поэтических салонов и ученых собраний, в домах друзей и любимых, он оказался (это трудно и произнести!) чужим в необъятном гнезде Родины.

За два месяца до смерти сказал Манделштаму, что не хочет уезжать в глушь, куда тянет

МЫСЛЬ РОДИЛАСЬ ВЕСНОЙ 1914 ГОДА, КОГДА ОН НАПИСАЛ КАМЕНСКОМУ: «ВСЕ ГОТОВО. МЫ ОБРАЗУЕМ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗЕМНОГО ШАРА. СПИСОК ПРИСЫЛАЙ»

создать общий для человечества язык, что озера на земле нужно превратить в котлы пусть сырых, но «озерных щей» и ввести, вообразите, обезьян в семью человека — дать «некоторые гражданские права». Бред, скажете? Возможно. Но так была устроена его голова. Так вообще устроены головы гениев. И я не особо удивился, когда еще в 2008-м прочел вдруг в «Известиях», что в Испании, представьте, уже подготовлен закон о предоставлении обезьянам («зоопарковым» — их 300 пока) прав, сопоставимых с правами человека. «Это исторический шаг», — говорилось в преамбуле закона.

А ведь эта идея Хлебникова, от которой современники ну просто выкатывали зенки! Да и мы еще вчера — выкатывали!..

Впрочем, это не всё! Хлебников уже тогда толковал о пульсации мира — солнца, атомов, электронов — и утверждал, что, когда пульсацию измерят, откроют волновую природу электрона. Через два года после его смерти, в 1924-м, физик Луи де Бройль откроет именно эту — волновую природу электрона. А пульсацию солнца ученые установят вообще в 1979-м, через 60 лет после Хлебникова.

«Теперь так же легко предвидеть события, как считать до 3», — напишет «часовщик человечества» в выведенных им «Законах времени». И считал!

его Митурич. Но жить негде. Мандельштам, деливший с ним в те дни жалкую кашу свою, кинулся к Бердяеву, тогда председателю Союза писателей. Перед Хлебниковым, кричал, «блещет вся мировая поэзия, он заслуживает комнаты хотя бы в шесть метров». Увы, Бердяев был бессилен. И поэт, не излечившийся еще от малярии, уехал в Санталово, в Новгородскую губернию, к Митуричу, где у того была жена, корова и огород. Уехал умирать. Ему было как раз 37, столько же, сколько Пушкину и Байрону в час смерти.

«Когда будущее становится прозрачным, теряется чувство времени, — объяснял он за три месяца до смерти открытый им закон времени, — кажется, что стоишь неподвижно на палубе предвидения. Чувство времени исчезает, оно подходит на поле впереди и поле сзади, становится своего рода пространством...».

Он не замечал, что костюм его из-за свалывшегося сукна стал скорее оперением, что рукава рубашки разорваны до плеч. Фасонистые поэты чувствовали себя рядом с ним неуютно. Но разве расскажешь всем, что на юге побывал в психушке (ради куска хлеба выдавал себя за трубача в клубном оркестре), был принят девишницами за

*15

С. Есенин, А. Мариенгоф, В. Хлебников. Харьков. 1920 год.

*16

С. Ботнев. Памятник Велимиру Хлебникову в степи около села Малые Дербеты, где родился поэт.

Когда над полем зеленеет
 Стекланный вечер, след зари,
 И небо, бледное вдали,
 Вблизи задумчиво синее,
 Когда широкая зала
 Угасшего кострища
 Над входом в звездное кладбище
 Огни ворота возлеза,
 Тогда на белую свечу,
 Мчась по текучему лучу,
 Летит без воли мотылек.
 Он грудью пламени коснется,
 В волне огнистой окунется,
 Гляди, гляди, и мертвый лег.

1912

шпиона, потом, напротив, угодил в ЧК (комиссар «чекки», написал тогда, «из всех яблок больше всего любит глазные»). Что под Хасавюртом был ограблен и на полном ходу выброшен из поезда, что месяц мерз в теплушке с энцефалитиками, где его и раздели до последней рубахи.

В Москве Мылковский, Каменский, Кручёных кое-как приделали его и повели выступать в нынешний Архитектурный институт. Тут горлачили ничевоки, презантисты, биокосмисты, конструктористы, срундисты — в Москве было уже 49 литературных школ и 2 тысячи поэтов.

Но Хлебников был единственным — таких и дальше не будет.

Памятник судьбе

Собственную смерть предсказал в деталях. За девять лет до нее напечатал странный стих «Памятник». «Уткнувши голову в лохань, я думал: кто умрет прекрасней? не надо мне цветочных бань и потолка зари чуть гаснущей про всех забудет человечество придя в будетлянские страны лишь мне за мое молодечество поставит памятник странный».

Ни точек, ни запятых. Тряси — не тряси голо-

вой, мы ничего бы не поняли, если бы он не умер как раз в деревенской бане, куда местные жители ему, умиравшему, несли и несли цветы (вся баня, шпигут, была в цветах!). Более того, умер на заре. И более-более того: на могиле ему, спустя 40 лет (когда прах его перенесут на Новодевичье), действительно поставят «странный» памятник. Каменную бабу из скифского кургана, которому было полторы тысячи лет. У древних народов эти бабы каменные — символы вечной цикличности, взаимоперехода жизни и смерти.

«Я пропал. Лишился ног. Не ходят, — написал Хлебников знакомому врачу в последнем письме из Санталова. — Хочу вернуть дар походки». На деле кроме паралича у него были уже и парез кишок, и гастрит — открытые раны, которые даже не бинтовали уже. Но дар походки он, великий пешеход, «урус дервиш», не ходивший всю страну, хотел вернуть. Мечтал побывать в Индии, в Польше, нагрянуть к монголам. А еще хотел «писать вещь, в которой бы участвовало все человечество, 3 миллиарда». Ведь «мировая революция требует мировой совести». Наконец, составлял «Доски судьбы» — итог жизни. Но не знал: последней «доской» его судьбы станет лавка в бане...

* 17
 Стихотворение
 В. Хлебникова
 на стене дома
 в Лейдене,
 Нидерланды.

* 18
 Могила поэта
 на Новодевичьем
 кладбище.

Опоздают в Санталово деньги, медикаменты, продукты, собранные друзьями, простоят пустой спецлжата в больнице, приготовленная по приказу самого Троцкого, и не успеет, увы, литерный поезд, которому велено было забрать поэта в Москву. Генюи иначе и не уходят — человечество всегда отстает от них. А потом опубликуют письма Митурича, и я через полвека прочту, что после смерти поэта жена Митурича, учительница, долго дивилась и приставала к мужу: «Откуда явился такой простой, — спрашивала, — но прекрасный человек?»... Откуда является кукушата? Разве не очевидно? Их подбрасывают в чужие гнезда...